

Проблемы развития и бытия личности

Анатолий Арсеньев

О ПРОБЛЕМЕ СВОБОДЫ И ЗАВИСИМОСТИ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКИЙ ОЧЕРК

*И, ухватясь за край скользящий острый,
И слушая всегда жужжащий звон,
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманых причин, пространств, времен?*
А. Блок

Свобода и
зависимость –
бесконечность
и конечность
человека

Проблема свободы и зависимости человека – центральная для понимания его личности. Трудность этого понимания состоит в **парадоксальности** самого человека как бесконечно-конечного существа. Как существо бесконечное он свободен, как существо конечное он зависим от множества различных факторов, влияющих на его восприятие мира, самочувствие, жизнь и поведение. Его тотальная зависимость – конечный срок его земного существования. И как тогда понять его цель и назначение? Ведь станет ли он личностью в той или другой степени, или не станет – конец один – смерть. Для чего все усилия в достижении личностью свободы? Для чего создание культуры, творчество?

Парадоксальность
человека связана
с его трансцендент-
ностью

И это не придуманные вопросы, не навязанные его сознанию извне, а входящие в его сознание изнутри, из бесконечной бессознательной глубины его души, связанной, в отличие от сознания, не с конечными определенными объектами окружающей его действительности, а с трансцендентной стороной его существа, эквивалентной Миру в целом.

На эти сакраментальные вопросы существовали тысячи различных ответов мифологических, религиозных, философских. Окончательного ответа на них быть, види-

мо, не может в силу бесконечного характера каждого из них. Но интуитивное чувство выхождения их смысла за пределы наличной ограниченности человека, приближающего к какой-то стороне Тайны бытия Мира, мы находим в высказываниях и смыслообразях многих мыслителей, размышлявших о месте и назначении человека в мире. Например, мне кажется, есть глубокий, выходящий за границы рациональности смысл в представлении назначения Человека как любящего и охраняющего земную жизнь, нашедшем, в частности, у А. Швейцера выражение в его принципе: «Благоговение перед жизнью» [1]. По-видимому, внутреннее ощущение своей незавершенности, наличного (существующего в данный момент) несовершенства выразилось в требовании: «человеку, чтобы быть самим собой, нужно быть бесконечно больше себя», в чувстве бесконечной нравственной ответственности: «каждый отвечает за все». Но такая ответственность в качестве условия предполагает бесконечную свободу, понимаемую, по Н.А Бердяеву, не как юридически закрепленное формальное право, а как экзистенциальную, выражающую смысл существования человека, как его обязанность перед Богом.

Свобода человека не право, а его обязанность перед Богом

Свобода принадлежит к основному определению личности. Всякое ее ограничение, любая зависимость должны вызывать внутренний осознанный или бессознательный протест. В последнем случае человек (если в нем не забито личностное начало) ощущает, что ему плохо, не понимая причин этого состояния, иногда выдумывая их. Часто это сопровождается ощущением какой-то внутренней мертвящей пустоты. В наше время поиск, чем заполнить эту пустоту, несложен: продукция целой индустрии развлечений, телевидение, Интернет, реклама, социальные образцы поведения предлагают ему на выбор широкий спектр поведения и действия. Этот выбор, особенно в детском и юношеском возрасте, часто также неосознан. Но, сделав выбор, человек в силу особенностей именно человеческой психики способен уйти по выбранному пути бесконечно далеко. С некоторого момента (это зависит от выбранного пути) он может оказаться зависимым, то есть неспособным по собственной воле вернуться назад. Его не только психика, но и физиология оказываются патологически измененными. Энергия зависимости, в которую он попал, становится превышающей энергию его личностного «я». Зависимость становится патологической – болезнью, разрушающей его дух, тело и человеческие отношения с другими людьми, его личные и общественные связи.

Возникновение
патологической
зависимости

Люди, населяющие нашу планету, бесконечно многообразными способами и формами связаны друг с другом и зависят друг от друга. Многие зависимости «лежат на поверхности» их чувств, мыслей, целей, и не требуется особой проницательности, чтобы их увидеть и ощутить. Некоторые индивиды пытаются спрятать их от постороннего взгляда, другие, наоборот, — продемонстрировать. Различные этносы, группы, объединения признавали и поощряли или осуждали разные связи, отношения, чувства и мысли.

Например, в западноевропейской цивилизации почет и уважение, которыми пользовался человек, в значительной степени определялись его богатством, в России же богатство, зачастую, вызывало сомнение в личностных качествах человека («от трудов праведных не наживешь палат каменных»). И т.д.

Но этот поверхностный социальный слой выявляет (и в какой-то мере формирует) личностные качества индивидов, зависимые от их уходящей в бессознательную глубину психики, связанной не только с материальными, воспринимаемыми внешними органами чувств и рационально осознаваемыми событиями эмпирической действительности и истории, но также с энергиями, силами и событиями метаисторическими, непосредственно чувственно и рационально большинством людей не воспринимаемыми. В этих областях действуют законы, отличающиеся от законов физического мира. Например, вместо закона отталкивания качественно однородного и притяжения противоположного господствует закон притяжения сходного и отталкивания разнородного. Благодаря этому в «сверхфизических» областях, в «тонком мире» (теперь такое название уже получило «права гражданства» во многих направлениях психологии, считающей себя научной) чрезвычайно легко образуются зависимости с положительной обратной связью. По-видимому, можно считать этот закон одним из возможных факторов, «подпитывающих» трудно разрешимые патологические зависимости некоторых индивидов, препятствуя их свободному личностному развитию.

Личность — индивид
с бесконечной
внутренней свободой
и нравственной
ответственностью

Большинство психологов, преподавателей «пекутся» о воспитании и развитии личности. При этом их представления о том, что они понимают под словом «личность», весьма разнообразны и противоречивы. На чисто назывном уровне, для выделения предмета, о котором идет разговор, есть основания представить личность как индивида, обладающего бесконечной внутренней свободой в своих решениях и поступках и одновременно такой же бесконечной нравственной от-

Человек в плену
зависимостей

ветственностью за результаты этих решений и поступков. Не вдаваясь в аргументацию такого представления, хочу отослать читателя к своей книге, где оно рассматривается более последовательно [2]. Несмотря на разногласия, большинство исследователей едва ли будут оспаривать, что свобода – один из главных параметров личности, хотя само понятие свободы (как бы ее ни понимать) остается одним из самых сложных, парадоксальных в религии, философии и психологии.

В современной психологии отмечается быстрый рост числа людей, сознание и поведение которых оказывается столь сильно зависимым от тех или иных факторов, что они оказываются неспособными самостоятельно освободиться от этой зависимости, так как ее энергия, увеличиваясь (в том числе и за счет упомянутой положительной обратной связи) начинает превышать энергию сознательного сопротивления охваченного зависимостью конкретного индивида. Зависимость приобретает патологический, разрушительный характер. Впрочем, часто индивид и не сознает, в какую ловушку он попал (особенно, когда о его незнании заботятся те, кому выгодно его зависимое положение), продолжая думать, что он действует свободно. Поэтому человек, часто не осознавая этого, оказывается фактически рабом желаний, влечений, отношений, идей, искажающих психику как его самого, так и людей, с которыми он общается.

Большая часть факторов, могущих вызывать зависимость, существуют в психике человека, так сказать, латентно, и до тех пор, пока находятся в подчинении воле и сознанию человека, они не вызывают патологической зависимости; это позволяет думать, что человек обладает психоэнергетическими ресурсами, мощность и устойчивость которых превышают мощность энергий всех факторов, вызывающих зависимость, и проблема освобождения от зависимости тогда предстает как проблема пробуждения этих энергий и сознательного управления ими.

Зависимый индивид создает вокруг себя психоэнергетическое поле, в орбиту которого попадают люди, с которыми он связан теми или иными отношениями, начиная от интимно личностных (любовных, дружеских, семейных), включая соседские, служебные, компанейско-групповые, этнические, религиозные, межнациональные и т.д., вплоть до отношения к цивилизации в целом.

Общество полагает
само себе
психическую норму

При этом зависимый индивид вызывает у людей, с которыми он связан, соответствующую реакцию, представляющую так или иначе изменять свое нормальное

(хотя, строго говоря, для психики нет собственной нормы, и нормальным признается то, что данное общество таковым считает, *полагая само себя нормальным*) поведение и, соответственно, отношение и психическое состояние. И при достаточно высоком эмоциональном и психоэнергетическом потенциале отношений (эмоциональной близости отношений) эти люди сами могут оказаться в положении зависимости от первоначально независимого индивида. Возникает отношение *созависимости*. Его особая опасность состоит в возможности развития внутри него упомянутой положительной обратной связи.

Возникновение
созависимости:
отрицательная
и положительная
обратная связь

Отрицательная обратная связь в некоторой системе состоит в том, что отклонение от положения равновесия каких-либо частей или сторон системы вызывает реакцию других ее сторон, направленную на уменьшение этого отклонения. Таким образом, система в целом стремится к восстановлению равновесия.

В случае же положительной обратной связи отклонение от равновесия одних сторон, вызывает реакцию других сторон, увеличивающую это отклонение. Эти стороны, если можно так выразиться, «провоцируют» друг друга и ведут систему к саморазрушению. Поэтому зависимость, имея, как выше было сказано, тенденцию переходить в созависимость, одновременно стремится к неограниченному росту. В технике в таких случаях говорят, что система «идет вразнос». Возрастание энергии может принять лавинообразный и даже взрывной характер (например, в процессе взрыва ядерной бомбы).

Образование
положительной
обратной связи
и эффект
заражения

В области психики положительные обратные связи образуются, как уже указывалось, особенно легко, поскольку в этой области, в отличие от физического мира (или, как его еще называют «плана») бытия, где господствует закон притяжения противоположного и отталкивания подобного, гораздо сильнее проявляет себя притяжение качественно сходного. Человек несет в себе и погружен в океан психических энергий, которые (*отметим это особо*) в отличие от физических, составляющих предмет изучения науки, обладают способностью «заряжаться» психическими качествами и состояниями (любви, дружбы, страха, злобы, беспокойства и т.д.) и нести их в себе. Мне приходилось наблюдать направленный перенос психических энергий, например, при лечении на расстоянии, и самому пользоваться услугами обладающих этой способностью людей. При легкости и быстроте возникновения психоэнергетических положительных обратных связей они

могут вызывать «психическое заражение» (возможно, подражание – его частный случай), которое может перерасти в эпидемию. Европейское Средневековье дает множество примеров подобных эпидемий. Даже в коротко живущих и более-менее случайных скоплениях людей можно отметить возникновение подобной «заразы». Мне кажется, что отмеченное в свое время В.М. Бехтеревым и постоянно используемое психотерапевтами усиление внушения в коллективе связано с возникновением обратной связи. Положительная обратная связь обладает эффектом усиления вызвавших ее факторов. Особенно яркие примеры легкости и быстроты психического «заражения» можно увидеть в поведении толпы, в том числе временно и случайно возникшей. Эти примеры приводятся в соответствующих многочисленных работах по психологии толпы (да и просто в сообщениях СМИ о поведении, например, фанатов).

«Пратолпа» – следствие положительной обратной связи

И. Ачильдиев в книге «Власть предыстории» [3] отмечает, что современный человек несет в себе психические следы палеоантропа, существование и эволюция которого, по его мнению, были связаны со способностью образовывать «пратолпу», где степень зависимости и созависимости каждого индивида была такова, что «пратолпа» действовала как единое существо, мощь и быстрота которого намного превосходила простую сумму мощи и быстроты входящих в нее индивидов. «Пратолпа» не думала и не знала препятствий, независимо от того, была ли она охвачена наступательным порывом или спасалась паническим бегством. И. Ачильдиев считает, что во всех областях деятельности современного человека можно усмотреть следы происхождения этой деятельности, связывающие ее с «пратолпой». Эти инстинктивные «следы» в ослабленной развитием сознания форме свойственны и современной толпе. Власть предыстории над современным человеком проявляется, например, в том, что в современной толпе, как и в «пратолпе», снижается уровень индивидуального сознания, иногда оно на то время, когда индивид включен в толпу, просто отсутствует. Подавляются способность адаптации к реальной ситуации и инстинкт самосохранения. Непомерно увеличиваются агрессивность и подражательность (каждый действует «как все»). Не включенный в толпу внешний наблюдатель воспринимает действия толпы как безумные.

«Эффект группы»

Этот тип схваченности мощной самовозрастающей положительной психоэнергетической обратной связью

большой массы составляющих, превращающий эту массу в одно монолитное целое, свойственен не только человеку, но, по-видимому, большинству живых существ. Биологии известно множество соответствующих фактов. Например, шествие через железнодорожное полотно плотной массы такого количества лягушек, которая останавливалось пробуксовывающие поезда; массовая гибель в воде охваченных единым порывом стай или стад животных, встречающих на своем пути препятствия в виде широких рек или морей; нашествие полчищ саранчи и т.д. Кстати, что касается саранчи, на ней было хорошо изучено явление, получившее название «эффект группы». Когда особей саранчи немного и они рассеяны, они ведут себя как обычные кузнечики. Но стоит собрать их в более или менее плотные группы, как при возрастании численности особей в группе начинается их превращение в кочующую саранчу. При этом меняется не только их поведение, но и физиология и морфология тела – вырастают типичные особи летающей или сухопутной саранчи, которые при наступлении внутренней энергетической сверхнапряженности из ранее хаотически перемещающихся превращаются в сплоченную единым порывом агрессивную стаю, уничтожающую на своем пути все, что она может съесть. Эффект группы хорошо знают и используют в своей практике психотерапевты, опытные ораторы, пропагандисты, проповедники и т.п.

Согласно И. Ачильдиеву, неантропы, вытеснив и уничтожив палеоантропов, остались в плену некоторых унаследованных от палеоантропов свойств, главным из которых является способность образовывать толпу, сохраняющую ряд свойств «пратолпы». В современном человеке сохраняется под внешней корой сознания некая «толповость» (термин И. Ачильдиева), которая может давать и фактически дает «взрывы» непонятных индивиду и неуправляемых его собственным сознанием и волей действий. Не разделяя взглядов И. Ачильдиева на антропогенез в целом, я считаю, что его понимание психологии толпы заслуживает серьезного внимания психологов и педагогов.

Тенденция образования положительных обратных связей характерна для многих конечно определенных систем. Например, с самого начала развития капитализма многими исследователями было показано (а впоследствии глубоко проанализировано К. Марксом), что капиталистическое производство обладает заложенной в нем самой положительной обратной связью и вследствие этого тенденцией к неограниченному расширению. В наше время мы видим, как это происходит с на-

Взрывоподобные
распады системы

растающим ускорением. Такую систему нельзя предохранить от саморазрушения частичными исправлениями, улучшениями, «заплатами» и т. п., можно лишь пытаться оттянуть срок саморазрушения, при этом, чем более этот срок оттягивается, тем больше накапливается разрушительная энергия, тем катастрофичнее, взрывоподобнее становится этот самораспад системы. Она в принципе, как «тришкин кафтан», не ремонтируема.

Личностное развитие – условие преобразования системы как целого

Лишь радикальное внутреннее преобразование *системы как целого, начиная с ее основания*, может, изменив направление ее развития, избавить ее от саморазрушения. (При этом возникает вопрос, каким должно быть это основание и можно ли считать возникшую на этом новом основании систему той же самой?) Для человеческих отношений условием такого преобразования является *личностное* развитие входящих в эти отношения индивидов.

Итак, *зависимость*, как правило, вызывает *созависимость*, и образуется система, которая, обладая положительной обратной связью, имеет тенденцию к расширению и саморазрушению, психические продукты которого, как метастазы, могут вызывать нечто вроде психических эпидемий, способных заражать целые возрастные, этнические и социальные слои общества, а также и человечество в целом (пример – идеология современного «глобализма»).

Человек в плену у самого себя

Зависимость вначале приобретает форму *внутренней* созависимости, т.е. положительную обратную связь (самим индивидом часто неосознаваемую) с теми или другими индивидуальными психическими или физиологическими особенностями самого зависимого индивида и имеет тенденцию (часто «подогреваемую» извне) «идти вразнос», вовлекая в свою орбиту окружающих, делая их созависимыми. Человек в плену у самого себя и этот плен оказывается мощным заслоном на пути становления индивида личностью, основополагающим началом которой является *свобода* в своей противоположности – *зависимости*. И первым шагом на пути освобождения от зависимости является осознание ее самим зависимым индивидом, а также осознание им необходимости и *обязанности* стать свободным. Имеется в виду свобода не как право, регламентированное законом, а та, которую Н.А. Бердяев считал не правом человека, а его обязанностью перед Богом (пожалуй, в русском языке здесь ближе всего подошло бы название не «свобода», основанная на внеш-

нем законе, связанном с моралью, а «воля», связанная с нравственным личностным «я» индивида).

Но этого еще недостаточно. Потому что существует разрыв между сознанием и делом, между осознанной целью и реальным поступком. Человек очень часто делает не то, что он сознательно хотел бы сделать. Нужна огромная энергия, воля и решимость, которые, как правило, даются лишь полаганием цели, *бесконечно* выходящей за пределы налично существующего бытия.

Чтобы быть самим собой – нужно быть бесконечно больше себя

Как уже было сказано, бесконечно-конечному парадоксальному существу – Человеку – для того, чтобы быть самим собой, нужно быть бесконечно больше себя (почти по парадоксу из «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла, где надо все время очень быстро бежать, чтобы оставаться на месте) и ради этого иметь готовность идти на жертвы. Это очень нелегко. Особенно для современного человека, почти растерявшего свой человеческий духовный, эмоциональный и умственный потенциал, который только и дается осознанием и чувством *бесконечности* цели и смысла жизни. С какими глубокими и трудными проблемами на этом пути овладения самим собой может встретиться человек, показывают слова даже такого духовно мощного человека, как Апостол Павел: *«Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех.»*

Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?»

Здесь мы встречаемся с глубокой внутренней рефлексией, обнаруживающей внутреннюю парадоксальную природу человека (в том числе и могущую принимать форму «созависимости»), делающую его пленником себя самого, а также с двойным пониманием «закона» (закона «мира сего» и закона благодати), поскольку в том же «Послании» Павел пишет: *«Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под*

благодарью» [4]. Спросим себя: много ли найдется среди нас людей, столь глубоко осознающих и с такой внутренней силой переживающих одну из главных личностных проблем своей жизни?

Поиск смысла –
путь остаться
личностью

Человек, старающийся найти, понять, почувствовать и сохранить эти человеческие цель и смысл (то есть остаться личностью), способен не утратить свое человеческое предназначение в Мире даже в нечеловеческих условиях концлагеря смерти, что прекрасно было показано В. Франклом [5]. Капитализм с его господством рыночной экономики полностью элиминирует подобные цели и смыслы, что делает человека рабом, духовно безоружным перед всем спектром любых форм зависимости и созависимости. Поскольку капитализм захватывает все увеличивающуюся часть населения Земли (в том числе усиленно внедряется в России), проблема зависимости и созависимости в наше время становится все более острой.

Подражательность
становится
социальной бедой

То, что было сказано выше о толпе и обратной связи, – одно из поверхностных, эмпирических проявлений человеческих отношений. Сюда же относится феномен подражательности, которому ряд психологов отводят чуть ли не основную роль в онтогенезе человека. Хотя эти проявления составляют достаточно поверхностный слой психики (души) индивида, тем не менее, захватывая, особенно в последние годы, все большую часть населения, они становятся социальной бедой, болезнью общества, вызывающей возрастающее беспокойство у большей части населения (и скрытое, иногда подсознательное, удовлетворение у другой его части).

Людям, попавшим в ловушку подобной зависимости и созависимости, современная психиатрия и психотерапия предлагают различные способы лечения и освобождения от этой формы рабства. Здесь и индивидуальная работа, и работа в группе, и всякого рода тренинги, долженствующие освободить человека от той или иной формы зависимости, и семейная психотерапия, и специальная детская, и т.д., и т.п. Очень часто эти способы малоэффективны, часто просто шарлатанство, и, объединяясь со СМИ, представляют собой форму выкачивания денег у населения.

Пожалуй, лишь современная «трансперсональная психология», используя некоторые идеи философии и религии, проникает глубже в душевно-духовную область. В качестве примера, заслуживающего, на мой взгляд, серьезного внимания, из многих, появившихся в последние годы, книг хочу отметить сборник К. Гроф и С. Гроф «Духовный кризис» [6]. Особенным

является понимание авторами связи человеческого существования с бесконечностью и понимание духовного кризиса. Назревание этого кризиса многие духовно продвинутые люди чувствовали уже давно. (Например, Ф. Тютчев уже в 1851 г. в стихотворении «Наш век» писал: «Не плоть, а дух растлился в наши дни». И Ф. Тютчев в этом отношении был далеко не первым.)

Опасность
порочного круга
в психотерапии
зависимостей

Возвращаясь к способам, предлагающимся современной научной психотерапией для выхода из различного рода зависимостей, я хочу сказать, что здесь меня как философа интересует вопрос: насколько глубоко и радикально меняют эти способы сознание и чувства человека, возвращают ему человеческое достоинство, открывают путь становления личностью, помогают ощутить свое личностное «Я» и сделать его центром своей психической жизни? Стремясь помочь человеку выйти из мира той или иной зависимости и созависимости, что они могут предложить взамен, в какой мир они его «выпускают»? Не может ли это оказаться сменой одной формы зависимости на другую, чем-то вроде перевода из тесной клетки в несколько более просторную или просто имеющую другую форму, или даже еще более его порабащающую на уровне, недоступном современному массовому сознанию? Представляется, что именно последнее происходит при смене авторитарного или даже тоталитарного режима управления обществом современной западной демократией. Не слишком ли дорогой ценой в этом случае покупаются так называемые демократические права и свободы человека? И насколько эти «права» и «свободы» ему нужны для становления его личности? Не являются ли они суррогатами, подменяющими и затемняющими путь его действительного личностного развития? Во всяком случае, проблема представляется мне «многослойной» и «многокачественной». Работая в поверхностных «слоях», мы можем оставить нетронутыми или даже создать новые «слои», более глубокие, которые могут дать не предвиденные нами «всплески» и «выбросы». Утверждая в процессе работы с человеком некоторые нужные нам (по нашему ограниченному разумению) качества, не можем ли мы утратить другие, может быть, более важные для него как становящейся уникальной личности?

Освобождение
от созависимости

Кроме того, многие психотерапевтические направления и практические рекомендации для работы с зависимыми и созависимыми носят чисто прагматический характер, направленный на адаптацию индивида к сложившимся ограниченными условиями, к такому его изменению, которое помогает ему именно эти условия

переносить. Слов нет, это очень важная цель и направление работы. Более того, стабилизация одной (а возможно, и обеих) сторон созависимости может уменьшить энергию положительной обратной связи и даже убрать ее, что будет означать освобождение от данной локальной формы созависимости. Последнее, правда, остается проблематичным, хотя, как пишут, например, авторы книги «Освобождение от созависимости» Б. Уайнхолд и Дж. Уайтхолд (представляющие «совершенно новую систему понимания причин созависимости, которое коренным образом отличается от принятых в настоящее время»): «Мы называем наш подход «эволюционным» в противоположность популярному медицинскому подходу, который рассматривает созависимость как первичное заболевание, определяет его как нечто постоянное, наследственное, прогрессирующее и не поддающееся терапии» [7]. Авторы считают, что созависимость – это не врожденное, а приобретенное расстройство, которое можно вылечить.

Действительно, в некоторых случаях психотерапия достигает такого результата, а наиболее талантливым психотерапевтам удается даже перевести положительную обратную связь в отрицательную, и отношения индивидов получают способность противостоять разрушающим воздействиям извне, увеличивая энергию сопротивления, что помогает становлению личности. Но это достигается более за счет личностных качеств психотерапевта, его интуиции и искреннего желания помочь больному, чем за счет объективных свойств той или иной психотерапевтической методики. Наиболее часто это целительное воздействие идет через осознание созависимым своего поведения и реакции на него окружающих его людей. Осознанное изменение поведения, конечно, может повлечь за собой и более глубокие изменения – изменения отношений, чувств и мыслей, даже отношение к миру в целом. Но довольно трудно понять, насколько глубоки в каждом данном случае эти изменения, связанные с достижением ближайших частичных целей, и каким образом они связаны с личностной судьбой данного индивида, то есть его индивидуальным путем становления личности.

Книга Б. Уайнхолд и Дж. Уайтхолд представляет интерес как попытка и пример разобраться в основаниях возникновения созависимости. Наиболее ценным в книге мне представляется то, что подход авторов «акцентирует внимание на том, что выздоровление возможно, а также на максимальном развитии личностного потенциала» [8], и понимание авторами

Наука не может
понять личность,
так как нельзя
понять тайну

того, что рассматриваемая ими проблема глубоко связана с проблемой свободы.

Именно развитие личности, понимаемой в ее трансцендирующей парадоксальности, является предохраняющим от рабства зависимости и созависимости. А современная научная психология до сих пор не понимает и, оставаясь в границах науки, в принципе не может понять, что такое личность. Об этом свидетельствует хотя бы множество различных, в том числе и противоречащих друг другу определений личности, «научных» подходов к ее изучению и хаос терминов, которые с ней связываются, друг друга полностью или частично замещают, перекрывают или включают: здесь и «индивидуальность», и «самость», и «эго», и «сущность», и множество других, причем каждое из них различно истолковывается и понимается. И главный, на мой взгляд, недостаток подавляющего их большинства состоит в том, что считающая себя научной психология не хочет (а по существу, и не может) представить и понять человека как *бесконечно-конечное парадоксальное существо, как Тайну, имеющую непосредственную связь с Тайной бесконечно-го Мира как Целого*. Здесь все научные парадигмы начинают «буксовать», и мы вынуждены вступить в область, связанную с проблемами культурно-историческими, религиозными, философскими, с проблемами антропогенеза, без чего невозможно, мне кажется, приблизиться к пониманию жизни человека в условиях современной цивилизации и ответить на вопрос, что же с нами происходит и чего следует нам ожидать в будущем. Исходя только из настоящего наличного бытия, мы можем лишь совершить предположительную экстраполяцию только на самое ближайшее будущее.

А эта экстраполяция на ближайшее будущее не может сегодня нас порадовать, в том числе и в плане интересующей нас в данном случае проблемы. Число зависимых и созависимых людей продолжает увеличиваться, уже «примерно 98% американцев страдают от серьезных нарушений, которые сегодня называют созависимостью. Оценки показывают, что менее 1% этих людей более-менее осведомлены о влиянии созависимости, но мало кто из них принимает какие-либо меры, чтобы устранить эти воздействия» [9].

Я могу поделиться своим видением этой проблемы лишь со стороны своей области знания – философии. Мне кажется, что представления в этой области современной научной психологии, психиатрии и психотерапии поверхностны и касаются лишь небольшой «надводной части айсберга», и это – одна из причин того,

Философские
основания очерка

что результаты, достигаемые ими в борьбе с зависимостью и созависимостью – этими существенными факторами дегуманизации человека, – остаются лишь частичными.

Мне представляется перспективным философско-психологическое направление «трансперсональной психологии», не связанное жестко с материализмом современной науки, рассматривающее не только физический, но и другие «планы» бытия и «измененные состояния сознания», которые могут быть важными и даже определяющими для понимания человека как целостного и одновременно парадоксального бесконечно-конечного существа. Здесь открываются бесконечные перспективы и возможности исследования. Я не причисляю себя к трансперсоналистам (как, впрочем, и ни к какому другому направлению в философии или психологии), но сочувственно отношусь к этому широкому спектру идей и прежде всего потому, что психология здесь ищет основание в философии и религии, а вместе с этим поиском в психологию входит бесконечность, и человек предстает как парадоксальное бесконечно-конечное трансцендирующее (и одновременно уже трансцендентное) существо.

Представление
о Начале

Философское размышление отличается прежде всего тем, что оно должно начинаться с представления о всеобщем Начале и сохранять с ним связь, имея его в виду в течение всего размышления. Поэтому, собираясь продолжить разговор на почве философии, я должен, несмотря на краткость настоящего очерка, хотя бы в самых общих и схематических чертах, без сколько-нибудь развернутой аргументации, изложить свое представление об этом всегда носящем личностный характер Начале.

На протяжении более пятидесяти лет занятий философией мое представление о нем менялось; в настоящий момент я вижу философию как глубоко личное размышление (и переживание) человека о своем месте и назначении в бесконечном мире как целом. Пришел я к этому представлению Н.А. Бердяева, к сожалению, на десятки лет позже него и потому приведу его собственные слова: «Если Вы пишете прекрасное исследование о Платоне и Аристотеле, о Фоме Аквинате и Декарте, о Канте и Гегеле, то это может быть очень полезно для философии и философов, но это не будет философия. Не может быть философии о чужих идеях, о мире идей, как предмете, как объекте, философия может быть лишь о своих идеях, о душе, о человеке в себе и из себя, т.е. интеллектуальным выражением судьбы философа» [8].

Вероятностный
характер
философии

Размышляя о *бесконечном* Мире, философия тем самым претендует на всеобщность. Но эта всеобщность встречается с парадоксом, состоящим в том, что любое, в том числе философское размышление, чтобы не быть совершенно пустым, должно нести в себе некую определенность. Но всякая определенность есть конечность, и следовательно, не может быть всеобщностью. Поэтому философия имеет право размышлять и говорить лишь в вероятностной гипотетической форме, избегая конечных положительных утверждений, напоминая этим апофатическое богословие, либо же вводить любое положительное содержание так, чтобы в нем был заложен импульс к его «снятию».

Начало философии
интуитивно

Начало философии (как, впрочем, и любого теоретического размышления в любой области знания) интуитивно, хотя представления об этом в науке (за исключением ее творцов) и в философии (за исключением материалистов и позитивистов) противоположны друг другу. В новоевропейской науке с начала ее возникновения в основном утвердился взгляд, что источником всех человеческих знаний является эмпирия («нет ничего в интеллекте, чего не было бы ранее в чувствах»). Эмпирические факты накапливаются, классифицируются, логически обобщаются, и на основе таких обобщений средствами логики же строится теория. Теория представляет собой возвышающуюся над эмпирическими фактами конструкцию из частей, связанных логическими «скрепами», и таким образом объединяющую факты в единое целое. Части являются началом теоретического исследования, целое – его завершающим концом.

Человек как целое
недоступен
эмпирическим
методам
исследования

Не стал бы повторять эти прописные (и ошибочные) «истины», если бы до сих пор в научной психологии не имел бы распространение именно такой взгляд, с которым я неизменно сталкивался, работая много лет в психологических институтах. Психология упорно стремится быть наукой и полагает, что научные теории формируются именно так, хотя крупнейшие творцы этих теорий отвергали подобное представление, а также предупреждали гуманитариев от излишнего увлечения применением научных методов в гуманитарных областях знания, в том числе в психологии. Формы и методы исследования, лежащие на поверхности современного научного знания и получившие ныне модное название – «парадигмы», а также представления об инвариантах вещных отношений, по традиции именуемые «законами природы», психология пытается применить как основные к своему предмету исследования – человеку и его психике. Даже на оценку за-

щищаемых психологических диссертаций влияет степень их наукообразия, т.е. применения «научного аппарата»: чем больше математических формул, расчетов, статистических данных, таблиц, корреляций и т.п., тем «качественнее» считается работа. Вся эта количественная атрибутика отодвигает на второй план действительный качественный смысл работы, если он вообще там присутствует. В его присутствии зачастую заставляет сомневаться то обстоятельство, что эта атрибутика имеет отношение к миру вещей и вечных отношений, а человек – не вещь. И потому в психологических исследованиях она может иметь лишь вспомогательное значение, не вскрывающее смысл, а лишь могущее при определенных условиях (исключающих ее фетишизацию) способствовать пробуждению интуитивной способности понять внутреннее содержание, которое непосредственно вербально не может быть представлено, то есть той способности, которая получила в философии название «интеллектуальная интуиция».

Вышесказанное относится не только к психологии, но и к самой философии.

В начале философии должно лежать представление об антропогенезе

Философия не может быть неантропологической. В качестве всеобщего бесконечного Начала выступает отношение Человек–Мир, являющееся рефлексией первичного *непосредственного* отношения личностного человеческого «Я» с бесконечным божественным «ТЫ». Тем самым философия не может быть глубочайшим образом не связанной с религией. Человек – парадоксальное существо, несущее в себе бесконечность, трансцендентность божественного и одновременно являющееся в своем наличном материальном бытии качественно определенным, следовательно, конечным.

Человек начинается с рефлексии

Таким образом, то или другое представление об антропогенезе должно лежать в основании философского размышления. Несколько слов о моем представлении.

Человек начинается с рефлексии, с осознания себя как существующего в мире, отличающего себя как «Я» от мира как «ТЫ». Это «Я–ТЫ» – первичное *непосредственное* (рационально не обусловленное) религиозное (дающее впоследствии начало религиям) отношение между человеческим «Я» и бесконечным божественным «ТЫ». Углубление рациональной рефлексии, связанной с трансцендированием, выводит человека в положение «внеаходимости» к этому отношению, и тогда оно предстает перед ним как *опосредованное* рефлексией и трансцендированием отношение «Человек–Мир» – предмет размышления (дающий начало философии).

Таким образом, религия – самонахождение и самоощущение человека в Мире, а философия – его попытка самопонимания и самоопределения человека в Мире. Религия становится необходимой тогда, когда непосредственность отношения «Я–ТЫ» утрачена и требуется ее восстановление (так, например, считал С.Н. Булгаков). Не знаю, связано ли это с этимологией слова «религия», но буквальный перевод с латинского слова *religio* – восстановление или возобновление связи). Философия, не отрывающаяся от своего начала, не может быть нерелигиозной, так же, как не может быть неантропологической.

Антропогенез
остается Тайной

Антропогенез в целом остается для нас Тайной, но по оставленным им «следам» мы можем предположительно проследить некоторые его фазы. При этом я имею в виду «следы» прежде всего не в форме костных останков и каменных орудий (они – вторичные формы фиксации духа в материи), а то, что осталось в мифах, сказаниях, языке, мировосприятии, ритуалах и т.п. Мне кажется особенно важным для понимания современной цивилизации (и западной, и восточной) отметить переход между фазами (совершенно неправильно названными наукой «палеолитом» и «неолитом»), который получил название «неолитическая революция» (также не отражающее суть дела). Научная антропология видит суть этой революции в изменении «каменной индустрии», я же вижу ее в изменении фазы всего процесса на противоположную. Мы и сейчас продолжаем жить в фазе, наступившей после этой революции, присутствуя при ее энтропийном, катастрофическом распаде, определяющем все бедствия человека современной цивилизации, в том числе и рост числа зависимых и созависимых индивидов.

Переход от
саморазвития
человека
к развитию
цивилизации

Эта смена фаз состояла в том, что до нее происходило внутреннее духовно-душевное развитие самого человека, его сознания и тела, при практически неизменных внешних орудиях труда, а после смены – развитие внешних орудий и орудийной деятельности, приведшее, в конце концов, к «неорганическому телу» современной цивилизации и деградации самого человека, его органических способностей, замененных неорганическими костылями науки и технологии (наука появляется и остается до сих пор формой познания неорганических, вещных отношений). Современный цивилизованный человек растерял практически почти до конца свои сверхчувственные способности восприятия мира и магические способы воздействия на него (за исключением отдельных индивидов, способности которых можно рас-

сма́тривать, с одной стороны, как реликты, с другой – как провозвестие будущего). Окруженный техническими неорганическими приспособлениями он живет, общается и мыслит в рамках, как принято говорить, физического (даже уже – технологического) мира или «плана бытия». Другие миры и планы ему практически недоступны, а поэтому и «прорывы» из этих миров и планов в его, представляемый им как «декартовский», количественно определяемый мир (Р. Генон называл это представление «царством количества») остаются для него «непостижными уму».

Человек растерял
большую
часть своих
способностей

Непостижимым для него остается прежде всего весь мир красоты. Наука и технология, например, не могут не только ответить на вопрос, почему красивы цветы и бабочки, но даже предположить, в каком направлении надо искать ответ на этот вопрос. За бортом понимания науки остается весь мир интуиции, а следовательно, и начало всех, в том числе научных, теорий. Я уж не говорю о понимании таких сверхчувственных способностей, как телепатия, психозенергетическое целительство и т.п. Даже многие физические явления, имеющие источники не в самом «физическом мире», остаются для науки загадочными и необъяснимыми.

Современные
представления
об антропогенезе
несостоятельны

Научные представления об антропогенезе в настоящее время – груда развалин, продолжающих разрушаться. Еще сравнительно недавно, а кое-где и сегодня, можно в учебниках встретить картинку, изображающую эволюцию человека в виде последовательно расположенных фигур от первой, где представлено обезьяноподобное существо, согбенное, с короткими ногами, с руками почти до земли, до последней, изображающей фигуру прямоходящего современного человека. Были приняты так называемые признаки сапиентности: прямохождение, объем головного мозга (предполагалось, что он в процессе эволюции человека увеличивается), грацилизация черепа, определенное строение кисти руки, зубов и т.д. По костным останкам, находимым при раскопках в земных слоях разного возраста, пытались вышеописанную картинку эмпирически подтвердить. Вначале казалось, что успех этого предприятия может быть в принципе достигнут. Хотя и обнаруживались «недостающие звенья», казалось, что они будут заполняться по мере накопления материала раскопок. В этих радужных надеждах научная антропология пребывала довольно долго, хотя и сталкивалась со всевозрастающими трудностями. Появлявшийся, особенно в последние десятилетия эмпи-

рический «раскопчный» материал не укладывался в принятую априорно схему. Факты противоречили принятой гипотезе. «Признаки сапиентности» не желали равномерно эволюционно увеличиваться. Например, у одного и того же существа находились признаки, которые должны были принадлежать различным эпохам и, соответственно, стадиям антропогенеза. В более древних слоях стали находить останки и следы деятельности, которые, согласно принятой концепции, должны были бы принадлежать более поздним этапам, чем ранее найденные.

Метаэволюция
и метаистория

Наконец, было установлено, что средний объем головного мозга современного человека (неоантропа) не увеличивается, а уменьшается (при громадном индивидуальном разбросе этого параметра, не зависящем от умственных способностей того или другого индивида). Это уменьшение достигает заметной величины за несколько тысячелетий, протекших, например, со времени первых древнеегипетских фараонов. Если же брать десятки и сотни тысяч лет, то следует отметить, что мозг современного человека значительно меньше мозга неандертальца. Правда, неандерталец, скорее всего, и не является в биологическом смысле нашим предком. Под словами «в биологическом смысле» имелось в виду представление научной биологии об эволюции, связанной с генными мутациями. Представляются более соответствующими действительности некоторые идеи создателя диалектической логики Г.В.Ф. Гегеля – его идея развития как процесса, происходящего вне физического плана бытия, в сверхчувственной области духа. Результаты этого развития, проходя через слой метаэволюции и метаистории, «обрастают» формами, готовыми к воплощению в физический план, в эмпирическую историю. Воплощаясь в физический план пространства и времени, они воспринимаются как приходящие из будущего в настоящее, наполненное формами, пришедшими из прошлого. Взаимодействуя с этими уже существующими формами, они способны их радикально изменять или сменять, «сбрасывая» в прошлое. Генетический аппарат есть лишь фиксация результата этого процесса и может только незначительно, в определенных пределах, изменяться, приспособляя организмы к не очень существенным изменениям среды. Энергия жизни (кстати, никто не знает, что это такое), поддерживающая их существование, в основном поступает от их прообразов в сверхчувственной сфере метаэволюции.

Кроме того, невозможно достаточно достоверно определить, относится ли та или другая палео- или ар-

хеологическая находка к восходящей или к нисходящей ветви эволюции, так сказать, к инволюции, поскольку эволюция биологических видов (если в ее ряду рассматривается и антропогенез, что, с моей точки зрения весьма сомнительно, но именно так поступает наука) имеет обе ветви (внутренние органические причины этого для науки остаются неясными. Например, почему вымер целый мир динозавров или куда и как исчезли неандертальцы). Что касается человека, то в наше время мы имеем на Земле множество народов, находящихся на стадии вымирания, причины которого могут быть как внутренними, органическими, связанными с областью метаэволюции, так и внешними – столкновения с современной цивилизацией.

Такое состояние научных представлений об антропогенезе совершенно «нормально», поскольку наука, как уже было сказано, имеет дело с миром вещей и вещных неорганических отношений, а человек, не являясь вещью, как целое не может быть и предметом исследования науки.

Вещное отчуждение человека – отпадание от Бога

Определяющим процессом описываемой, распадающейся у нас на глазах фазы антропогенеза является процесс вещного отчуждения человека от мира и от собственной человеческой сущности и своего предназначения. Вещным это отчуждение называется потому, что непосредственной целью деятельности становится не человек, а вещь. В состоянии этого отчуждения мир представляется человеку не органическим целым, а собранием вещей, объектов, на которые он действует в качестве субъекта с помощью орудий. На языке религии этот процесс называется отпадением от Бога. Заметим, что этот «энтропийный» процесс распада органической целостности жизни происходит как глобальный во всех странах и у всех народов Земли. Исследователь множества мифов у разных народов М. Элиаде отмечает в своих книгах всеобщий процесс энтропии – «измельчения» этих мифов, состоящий, в частности, в том, что верховный Бог, создатель мира и прародитель народа в сознании народа постепенно уходит на второй план, становится «недействующим», уступая место множеству «профессиональных» богов и духов, отвечающих за те или иные стороны жизни. Их почитают, им молятся, приносят жертвы, а верховного Бога вспоминают лишь в случаях каких-либо общих сверхординарных бедствий. «Различные божества, замесившие Высших Существ, обладали наиболее конкретными и наиболее яркими возможностями – возможностями способствовать Жизни. Но именно поэтому они не являются специалистами зарождения, они

утратили наиболее тонкие, «благородные», «духовные» способности Богов Создателей. Открыв священность Жизни, человек оказывается все больше и больше в плену собственного открытия: он отдается во власть жизненных иерофаний и отдаляется от священности, стоящей над его повседневными, непосредственными нуждами (из сферы бытия переходит в сферу быта. – А.А.)» [9].

Подобные же процессы отмечают многие исследователи (Р. Генон, Ю. Эвола, К. Леви-Строс и другие) не только в не имеющих письменности обществах, но и в крупнейших цивилизациях.

Восстановление
монотеизма

Восстановление монотеизма происходит в «иудео-христианской традиции». Представление о Боге здесь также проходит две противоположные друг другу фазы: иудаизм и христианство. Иудейский Бог – Яхве, описанный в Ветхом Завете Библии, предстает как ревнивый, своевольный, достаточно жестокий, требующий поклонения и кровавых жертв, любящий запах горелого мяса, карающий за нарушение Завета, заключенный со своим избранным народом – иудеями (по А. Кураеву, иудеи не избранный Яхве народ, а созданный им для себя). С представителями этого народа, да и с народом в целом, он проводит различные «эксперименты», главным образом для проверки преданности его воле (например, с Авраамом и его сыном Исааком, с Иовом), за отступление от Завета насылает на народ различные беды: град, засуху, вторжение соседних племен и т.п. М. Гершензон (1869–1925) в работе «Ключ веры» [10] рассматривает эти действия Яхве как меры по воспитанию монотеизма. Он обращает внимание на то, что послушание евреев в духовной сфере влечет возмездие со стороны Яхве в сфере материальной. Казалось бы, что Яхве, будучи всемогущим, мог бы непосредственно внушить своему народу соответствующее сознание и чувство к себе как единому и единственному Богу так же, как он внушает другим народам агрессивные идеи, когда наказывает свой народ нападениями соседей. Но он этого не делает, так как *его* народ должен *сам* осознать, что с ним происходит, и по собственному внутреннему побуждению и воле признать Яхве как своего единственного Бога. В качестве учителей и обличителей народа и его правителей выступают также ветхозаветные пророки как представители самого народа, первыми осознающие волю Бога.

Яхве – индивидуальность, но не нравственная личность

Яхве – индивидуальность, но не нравственная личность. Его действия зачастую своенравны, прихотливы и непонятны. Часто он поступает по собственному капризу. Например, когда у одной супружеской пары родился первенец, «он оказался неуютен перед лицом Господа, и истребил его Господь». (Кстати, будучи всеведущим, он мог бы обойтись и без экспериментов по проверке преданности себе своего народа.)

Такова первая фаза восстановления монотеизма. И пройдет еще много веков, прежде чем появится его новая фаза – христианство – с новозаветными, противоположными иудейским, представлениями о Боге как Боге любви, благодати и прощения, Боге *общечеловеческом*, воплощающемся в своей сыновней ипостаси среди людей и приносящем в этой ипостаси жертву самого себя за грехи человечества ради будущего воскресения Человека и его «жизни преизбыточной», вечной. (Заметим, что, когда иудеи, шествуя через пустыню, просили Яхве воплотиться и идти с ними, он ответил: «Вы – народ жестоковыйный. Если Я пойду среди вас, то истреблю вас».)

Контраст между Ветхим Заветом и Новым Заветом

Контраст в представлении о Боге между Ветхим Заветом и Новым Заветом столь велик, что некоторые из направлений гностицизма, считавших себя христианами, отвергали ветхозаветные книги как антихристианские. В частности, они считали, что мир и отношения людей в нем столь плохи, что, по-видимому, он создан злым Демургом, противником Бога христианского.

Мир действительно к моменту появления христианства уже был плох, поскольку это был мир отчуждения, начавшегося с «неолитической революции» и захватившего к тому времени все великие цивилизации дохристианской древности. Отчуждение не достигло еще своей окончательной вещной формы, выработанной капитализмом и завершающейся абсолютным господством денег, но предтечи этого уже были. Например, Древний Рим эпохи упадка некоторые историки считают неудавшимся предшественником капитализма, по многим параметрам похожим на капитализм, в том числе и по разившемуся господству денег, когда все стало возможным купить, даже столь высоко ранее престижное юридическое положение римского гражданина.

Противоположность отчуждения и обособления

Говоря об отчуждении, необходимо провести строгое различие между противоположными друг другу процессами отчуждения и обособления, которые часто не различают и путают в психологических и педагогических рассуждениях, например, о «коллективистиче-

ской» и «индивидуалистической» «направленности личности» в процессе воспитания ребенка. Эта путаница приводит к тому, что психологи дают рекомендации, а педагоги пытаются осуществить на практике такое воспитание, которое зачастую не способствует, а препятствует личностному становлению воспитуемого [11].

Отчуждение связано с господством внешней, орудийной деятельности и, как правило, сопровождается зависимостью и созависимостью, поскольку внешняя орудийная вещная («предметная») деятельность всегда является *конечно* определенной, частичной, разрушающей органическое целое как вне человека, в окружающем его мире, так еще более разрушительно действующей на самого человека, его душу, его личность. Человек, как теперь принято говорить, «дегуманизируется», т.е. обесчеловечивается, перестает быть самим собой.

Человек, все живое на Земле и сама Земля представляют единое психоэнергетическое целое и, если раньше можно было говорить о разрушении природы физическими, материальными действиями человека, то теперь, мне кажется, гораздо более разрушающими земную природу являются эмоции и мысли человека. Они создают пропитанное агрессивностью психоэнергетическое поле – ауру, – изолирующую Землю от гармонизирующих энергий космоса и притягивающую поля и энергии разрушительные, поскольку, как уже было сказано, в отличие от полей, изучаемых наукой, в сверхчувственных областях существуют поля, могущие нести в себе эмоции и мысли и подчиняющиеся закону взаимопротяжения однородного и отталкивания разнородного. Происходящее на наших глазах ускоряющееся увеличение количества природных катаклизмов, стихийных бедствий, аномальных явлений в природе (начиная, скажем, с погоды) свидетельствует о разбалансировке всей жизни земной природы.

Вещное отчуждение человека находит свое завершение в господстве рыночной экономики. Это, на мой взгляд, последняя форма отчуждения, разрушающая фазу антропогенеза, начавшуюся с так называемой неолитической революции.

Противостоять этому процессу всеобщей энтропии может только личность. Обособление есть необходимый этап становления личности, состоящий в том, что личность «уходит в себя», противопоставляя себя коллективу и любой деятельности, связанной с «внешней целесообразностью» (выражение К. Маркса, означающее деятельность, цели которой исходят не от самой

Господство рыночной экономики – исторический конец цивилизации

Противопоставление труда самодеятельности

личности, а предписываются ей извне. Поскольку с внешней целесообразностью связана прежде всего трудовая деятельность, в своих ранних работах К. Маркс говорил о том, что задача пролетарской революции – «*уничтожить сам труд*», которому он противопоставлял *свободную самодеятельность*. Отметим без комментариев, что в Библии труд рассматривается как *наказание* человека за первородный грех). На этапе обособления личность становится для себя самоцелью. Эта рефлексия к своему внутреннему «Я» сопровождается трансцендированием в направлении «Я» божественного, являющегося для нее в данном случае, кроме всего прочего, неограниченным источником энергии. Становится возможным «набор» энергий личностного «Я» такого качества и энергетического потенциала, который превышал бы потенциал внешней среды. Обладая такой энергией, личность не может быть разрушена внешней средой, быть подвергнута общей энтропии, ибо теперь она самостоятельное «целое в себе», способное сопротивляться внешним влияниям. Пройдя фазу обособления, она возвращается в коллектив, но уже не как безликий его член, «как все», а как неповторимая уникальность. Тогда она может воздействовать на других членов коллектива в направлении их личностного развития и способствовать превращению коллектива из социального в личностный.

Не понимая противоположности между обособлением и отчуждением, наши психология и педагогика, борясь за «коллективистическую направленность личности», калечили души многих воспитуемых, для которых наступала необходимость пройти этап обособления. Оно принималось за отчуждение и начиналось «перевоспитание» с целью направить их на «правильный коллективистический путь», что приводило к действительному глубокому отчуждению, препятствующему возвращению в коллектив, вырабатывало по отношению к коллективности как таковой и к процессу воспитания в целом своего рода идиосинкразию. Конечно, не всем так везло, многих удавалось сломать («перевоспитать»), и из них вместо личностей воспитывались безликие социальные функционеры.

Таким образом, отчуждение – это движение к частичности человека, его деградация и потеря энергии, обособление же – становление и концентрация энергии целостности, дающая в перспективе возможность достичь восприятия мира как бесконечного целого, т.е. это движение в направлении восстановления формирующейся личности непосредственного отношения человеческого «Я» с бесконечным божественным «ТЫ».

Частичность или
целостность

Заметим, что отчуждение – необходимое условие образования «толповости» в сфере *социальности*, а обособление – такое же необходимое условие становления личности в *индивиде*.

Общественное
разделение труда
как форма
зависимости

Возвращаясь к современной цивилизации, нужно отметить общественное разделение труда, превращающее человека в «частичного», ограниченного рамками своей профессии, несущего на себе ее отпечаток. Несмотря на краткость этого очерка, не могу удержаться от привидения цитаты из Ф. Шиллера – очень она, на мой взгляд, выразительна (эти строки были написаны в 1795 году): «Можно, мне кажется, утверждать, что в опыте у нас духовные силы проявляются в таком же разобщении, в каком представляет их психолог, и мы не только видим отдельных субъектов, но и целые классы людей, в коих развита только часть их способностей, в то время как в других, как в захиревших растениях, можно найти лишь слабый на них намек. <...> Вечно прикованный к отдельному малому обрывку целого, человек сам становится обрывком; слыша вечно однообразный шум колеса, которое он приводит в движение, человек не способен развить гармонию своего существа, и, вместо того, чтобы выразить человечность своей природы, он становится лишь отпечатком своего занятия, своей науки. Однако и это скудное отрывочное участие отдельных частей в целом не зависит от формы, которую они создают сами (ибо как можно доверить их свободе такой искусный и хрупкий механизм?), а предписывается им с мелочной строгостью той программой, которая связывает их свободное разумение (т.е. «внешней целесообразностью». – А.А.). <...>. Сколько бы ни выигрывал мир как целое от этого раздельного развития человеческих сил, все же нельзя отрицать того, что индивиды, затронутые им, страдают под гнетом этой мировой цели.<...>. Откуда же это невыгодное отношение индивидов при выгодах целого рода?» [12].

Эту ограниченность К. Маркс называл профессиональным кретинизмом. Она также имеет непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме, так как представляет одну из сильнейших форм зависимости современного человека. Самого человека, искалеченного этими ограничениями, К. Маркс называет «частичным человеком». Что касается вопроса Ф. Шиллера, то ответить на него можно, проследив возникновение вещного отчуждения и общественного разделения труда.

Мне представляется, что и сама философия существует ныне как профессия только вследствие господствующего общественного разделения труда, что так называемое философское мышление есть мышление не профессиональное, а нормальное общечеловеческое мышление личности, и в будущем оно должно потерять свою профессиональную отделенность, ограниченность и специфичность.

Проблема свободы

Современному вещно отчужденному человеку («отчужденцу») свобода страшна, ему кажется более безопасным быть зависимым от чего-то, принадлежать чему-то или кому-то, что позволяет снять с себя связанную с личной свободой ответственность за свои поступки, а по возможности, и за свою жизнь в целом. По этому вопросу существует большая философская, религиозная и психологическая литература. Уместно упомянуть книгу Э. Фромма «Бегство от свободы» [13]. Воспитателю или психотерапевту следует иметь в виду, что даже при сознательном стремлении освободиться от зависимости или созависимости у человека может существовать подсознательный страх свободы и, соответственно, подсознательное сопротивление воспитательным и терапевтическим усилиям. И.Г. Фихте, считая нормальным между людьми непосредственный обмен деятельностью, а не ее продуктами (вещами), когда непосредственной целью является не человек, а продукт его деятельности, писал, что мы дошли уже до того, что отказываемся принимать добро от другого человека, чтобы не быть обязанными делать то же по отношению к нему. Это было во времена И.Г. Фихте. А теперь большинство и не чувствует своих обязанностей перед другими, что отмечал (как и многие другие мыслители), например, Х. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» [14]. Кстати, «народные массы» никогда ни в одном обществе не выражают духовную сущность народа, его душу. Ее может выразить лишь духовная элита народа, творчески связанная с вершинами его культуры, а следовательно, и с глубинами его духа.

Зависимости человека современной цивилизации

Патологические зависимости и созависимости сегодняшнего дня, названные в начале этих заметок, а также указанный механизм положительной обратной связи, действующий в направлении их укрепления и углубления, развиваются на более обширном, глубоком и длительном фоне зависимостей, связанных со всей фазой антропогенеза, начавшейся со времени «неолитической революции», что очень кратко было рассмотрено выше. Все подфазы и периоды, различные

для разных этносов, народов, культур и цивилизаций (а я коснулся только некоторых), остаются и в латентной форме существуют в бессознательной части нашей психики, которая представляется мне бесконечной, соприкасающейся с миром как бесконечным целым (хочется даже сказать – диффундирующей в этот мир).

Искалеченный современной цивилизацией частичный человек потерял способность воспринимать это отношение в своей «нормальной» «сознательной» жизни, однако оно живет в нем, вызывая ощущение несвободы и мощное, большей частью неосознанное, стремление освободиться. Это неосознание приводит к тому, что он пытается связать свои неврозы и свой страх с лежащими на поверхности или даже воображаемыми причинами, освободиться от которых не может и, как утопающий за соломинку, хватается за то, что дает возможность хотя бы временно перестать их воспринимать, забыть и почувствовать себя свободным. Насколько это переживание ценно для человека, говорит то, что он готов сокращать свою жизнь, переживать синдром похмелья после приема алкоголя и ломку после наркотиков. Это вначале. А когда разовьется патологическая зависимость, уже и не может при всем желании отказаться от их приема.

Общей основой частных патологических зависимостей является патология в форме отчуждения человека от бесконечного Мира (своей трансцендентности) и от своей сущности (своей бесконечной глубины). Эта патология существует исторически гораздо раньше (начало ее, по-видимому, в неолитической революции) и приводит человека к утере осознания своей предназначенности в Мире, существенным параметром которой является свобода. Состояние свободы-предназначенности также парадоксально, как и бесконечность-конечность самого человека. В данном очерке я просто напоминаю об этом, не затрагивая громадной литературы, посвященной этому вопросу.

У Н.А. Бердяева, положившего свободу как основание своей философии, есть книга, написанная им в 1939 году: «О рабстве и свободе человека» [15], в которой он анализирует формы рабства, гораздо более тонкие, культурные, завуалированные, кажущиеся самому человеку свободой. Он называет эти формы зависимости «прельщениями». Эта книга заслуживает самого внимательного критического анализа, который невозможно осуществить в рамках настоящих коротких заметок. Поэтому здесь я привожу лишь оглавление этой книги, надеясь дать возможность читателю по-

Отчуждение
человека от мира
и самого себя

Н.А. Бердяев
«О рабстве и свободе
человека»

чувствовать обширность и сложность зависимых связей современного человека, а также попытаться его заинтересовать и подвигнуть на чтение самой книги, которое, мне кажется, может принести большую пользу психологу и педагогу.

Книга содержит перечень самых общих, глубоких, существующих не одно тысячелетие зависимостей человека. Каждая из них может «прельщать» человека, говоря современным языком, *акцентуироваться* в его сознании, стать потребностью и оказаться нарушающей целостное развитие его личности. Кроме того, каждая из них дифференцируется внутри себя и со временем пополняется. Развитие вещного отчуждения ведет к вещному вырождению этих потребностей. Прельщение и рабство эротическое может приводить к эротомании и вырождаться в сексоголизм. Рабство человека у цивилизации и прельщение культурных ценностей вырождается в рабство у науки и техники, порождая господство вещно-технологического отношения к миру и к себе самому, разрушающего природу и человека. Он начинает верить в спасительность «ускорения научно-технического прогресса» или еще во что-то подобное. Он создал технологическую цивилизацию, сам встроился в нее, с ее помощью уничтожает самого себя и природу. Он поставил свое существование, особенно в мегаполисах, в зависимость от подачи воды, электроэнергии и т.п. Появились такие формы зависимости, как автомобилемания или компьютеромания и т.п. (в одной работе я даже встретил выражение «автомобилеложество»).

Прельщения
современной
цивилизации

Что касается прельщения революции или коллективизма и к каким последствиям оно ведет, мы все видели. Правда, эти последствия связаны с ограничено профаническим пониманием и революции, и коллективизма, в котором виновата и профанация языка в современной цивилизации. В действительности вопрос гораздо глубже, чем кажется.

Последствия прельщения войны и национализма разворачиваются на наших глазах.

В наше время – время продолжающегося ускоренного развития господства вещи самым мощным и самым опасным для существования человека (его психики и телесности) и природы является рабство у собственности и денег. Власть денег – концентрированная, можно сказать, символическая (недаром мы то и дело натываемся в различного рода рекламах, плакатах, объявлениях в качестве прельщения на знак-символ доллара), завершающая форма вещного отчуждения человека от мира и своей собственной сущности,

Страх современного человека перед собственной глубиной

осуществив которую до конца, он перестанет быть человеком, завершится его «дегуманизация».

Эта форма отчуждения сопровождается метафизическим, непреодолимым, бессознательным страхом перед собственной глубиной, которая вместо трансцендирующей полноты, вследствие отчуждения, стала пустотой. Этот подсознательный страх общения с собственной глубиной митрополит Антоний Сурожский считал источником греха как такового, греха вообще. Современный цивилизованный человек утерял и *чувство* собственной бесконечной духовной глубины (*непосредственно* связанной с бесконечной трансцендентной высотой) и вместо этой глубины подсознательно чувствует устрашающую его пустоту, пропасть. Поскольку это чувство связано с отсутствием внешней деятельности, с созерцанием, современный человек пытается лихорадочной деятельностью, в значительной мере бессмысленной, глупой и во вред самому себе, заглушить потребность созерцания, так как интуитивно ощущает, что остановка деятельности поставит его перед устрашающей пустотой жизни, отсутствием высшей ее ценности и цели. Этому прекрасно служит, например, голливудская кинопродукция, которой в последние годы усиленно пичкают русского кинозрителя, подавляющее большинство фильмов которой «боевики», где главное это «actions» – действия: разного рода насилия, погони, перестрелки, убийства, мордобития и т.п., а движущей силой этих «actions», в конце концов, оказываются те же деньги. Усиливают хаос и растерянность в душах обывателей фильмы ужасов, показ разного рода чудовищ, монстров, вурдалаков, оборотней и т.п.

Все это увеличивает хаотичность психики и «коэффициент толповости» (понятие, употребляемое И. Ачильдиевым) современного человека. Он практически почти утерял связь своего «Я» с бесконечным божественным «ТЫ», являющуюся основанием нравственности.

«Иметь или быть?»

Старый философский вопрос «Иметь или быть?» теперь однозначно решается в пользу «иметь». Впрочем, и сам вопрос всерьез и не возникает, а все наши политики, депутаты думы и прочие прохиндеи, уверяя нас, что только человек, имеющий собственность, может быть свободным, просто и представления не имеют о том, что значит человеческое «*быть*». Они целиком поглощены не бытием, а бытом, включая сюда политическое вранье, борьбу за власть и изобретение способов наиболее эффективного грабежа страны, народа и

«зомбирования» населения с помощью средств массовой информации, ставших частной собственностью различного рода проходимцев.

Р. Баландин в книге «Наркоцивилизация» пишет, что человеческое восприятие и осознание мира принципиально неадекватно, поскольку существует измененные формы сознания, препятствующие непосредственному взаимоотношению человека и мира. В этом он сходен, пожалуй, с большинством философов – от античных до современных. Но он особо выделяет эпоху появления массовых, особенно электронных СМИ, которые целенаправленно, как теперь говорят, «зомбируют» в интересах правящих групп сразу многомиллионные массы людей, уничтожая (или, наоборот, стимулируя) в них определенные чувства и мысли, включая даже чувства национальной принадлежности, превращая их в «телетолпу» [16]. В России этим усиленно занимаются «власть предержащие». Например, чтобы я не чувствовал себя в моей стране представителем коренного народа, а Россию своей родиной, из моего паспорта удалили слово «русский».

О восприятии
личностью
парадоксальности
своего бытия

Речь идет о качественно определенных состояниях. Под ними (или, если угодно, над ними) находится, обеспечивая возможность их проявления в наличном бытии, бесконечная трансцендентная парадоксальность человека как такового. Эта парадоксальность создает, с одной стороны, возможность человеческой свободы, с другой – несет в себе опасность срыва в хаос.

Многие одаренные богатой интуицией люди чувствовали эту внутреннюю близость хаоса и опасность срыва в него. Прежде всего это касается настоящих поэтов, не привязанных к быту, не бытовых рифмоплетов, а заставляющих своих читателей переживать катарсис. Здесь, как и в своих курсах лекций, книге и многих статьях, я обращался и обращаюсь к поэзии, так как считаю, что поэзия, особенно лирическая, обладая качеством непосредственности переживания, гораздо более способна выражать глубокие, связанные с бесконечностью философские идеи, чем современная профессиональная философия, опосредующая их вещным рациональным мышлением. Иногда даже отдельная поэтическая строка может привести произносящего или слушающего ее в состояние созерцания, выбросив из «быта» и погрузив в «бытие». Например, всего несколько нижеследующих строк А. Тарковского по емкости и глубине вызываемого ими состояния души могут, мне кажется, поспорить со многими философскими трактатами и послужить толчком к философскому размышлению и переживанию бесконечности.

Поэзия лучше
выражает
трансцендентные
философские идеи

Поэзия может лучше выражать трансцендентные философские идеи, чем современная профессиональная философия:

Найдешь и у пророка слово,
Но лучше слово у него
И ярче краски у слепца,
Когда отыскан угол зренья
И ты при вспышке озаренья
Собой угадан до конца.

В этом очерке поэзия поможет понять и почувствовать внутреннее психическое состояние человека в мире современной цивилизации, представляющей, по моему мнению, завершение распада фазы неолита. Приведу лишь немногие строки некоторых русских поэтов.

Вот Ф.И. Тютчев (1803–1973):

О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..
О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

Различение между
страхом, ужасом и
тоской

Философско-психологическая «емкость» этого стихотворения такова, что для вникания в глубину его смыслов можно (и нужно!) писать специальное исследование. Здесь я могу лишь бегло остановиться на некоторых из этих смыслов. Для чего приведу важное, на мой взгляд, для психологии и психотерапии различение (практически отсутствующее в научной психологии) между страхом, ужасом и тоской. Воспользуюсь уже упомянутым трудом Н.А. Бердяева «О рабстве и свободе человека».

«Мы увидим, что невозможно выработать единого понятия о личности, она характеризуется противоположностями, она есть противоречие в мире.

Личности нет, если нет трансцендентного. Личность поставлена перед трансцендентным, и реализуя себя, она трансцендирует. Именно личности глубоко присуще состояние ужаса и тоски. Человек чувствует себя существом, висящим над бездной, и именно в человеке как лич-

ности, оторвавшейся от первоначальной коллективности, это чувство достигает особенной остроты. Нужно отличать ужас (Angst) от страха (Furcht). Это делает Кьеркегор, хотя есть условность терминологии каждого языка. Страх имеет причины, он связан с опасностью, с обыденным эмпирическим миром. Ужас же испытывается не перед эмпирической опасностью, а перед тайной бытия и небытия, перед трансцендентной бездной, перед неизвестностью. Смерть вызывает не только страх перед событием, разыгрывающимся еще в эмпирическом обыденном мире, но и ужас перед трансцендентным. Страх связан с заботой, с боязнью страданий, ударов. Страх не помнит о высшем мире, он обращен вниз, прикован к эмпирическому. Ужас же есть состояние, пограничное с трансцендентным, ужас испытывается перед вечностью, перед судьбой. Человек есть существо, испытывающее не только страх, но и тоску. Тоска ближе к ужасу, чем к страху, но имеет свое качество. Тоска совсем не есть переживание опасности, она совсем не связана с заботой и ослабляет заботу. Тоска устремлена вверх и обличает высшую природу человека. Человек переживает покинутость, одиночество и чуждость мира. Нет ничего мучительнее переживания этой *чуждости всего* (выделено мной. – А.А.). Личность в путях своего возрастания переживает это состояние. В тоске есть что-то трансцендентное в двойном смысле. Личность переживает себя как трансцендентное, чуждое миру, и переживает бездну, отделяющую ее от высшего мира, от иного мира, который должен ей быть родным. Острая тоска возможна в самые счастливые минуты жизни. Человеку глубоко присуща тоска по божественной жизни, по чистоте, по раю. И никакое счастливое мгновение этой жизни не соответствует этой тоске. Существование личности не может не сопровождаться тоской, потому что тоска означает разрыв с мировой данностью, невозможность приспособления к ней» [17].

Притяжение
древнего хаоса

Сразу отметим, что, хотя в стихотворении употреблены слова о «страшных песнях», на самом деле оно не о страхе и вообще не о том эмпирическом мире, в котором пребывает страх. Если уход от коллективности происходит на этом эмпирическом уровне, а в индивиду настолько мало развито личностное начало, что он не ведает и не чувствует свою принадлежность к сверхэмпирическому духовному миру, то тогда и возникает страх и стремление к вхождению в какую-либо группу, создающую ему иллюзию безопасности. Этот феномен хорошо изучен в психологии.

«Оно» о том самом ужасе, который грозит формирующейся целостности личности распадением и погружением в хаос. И бесконечность ужаса связана с тем,

что этот «древний» хаос оказывается «родимым», «любимым» и потому притягательным и желанным. И когда ночью ослабевает дневное «трезвенное» (употребляя этот термин в религиозном смысле «трезвения») сознание, обнажается пропасть, отделяющая «обыденное» эмпирическое бытие личности от «высшего мира, от иного мира, который должен быть ей родным». Хаос же представляется как заполняющий эту пропасть. Он «перенасыщен» энергией и одновременно крайне неустойчив, угрожает растворением человеческого существа в стихиях природы. Выход из него возможен как движение в двух направлениях: вниз, в бессознательное, в «толповость», и вверх к обретению полноты личности.

(Продолжение следует)

1. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992.
2. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. М., 2001.
3. Ачильдиев И. Власть предыстории. М., 1990.
4. Библия. Новый Завет. Послание ап. Павла к римлянам. (7, 15–24); (6, 14).
5. Франкл В. Основы логотерапии. Логотерапия и религия. СПб., 2000.
6. Гроф К., Гроф С. Духовный кризис. М., 2003.
7. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от зависимости. М., 2003. С. 6.
8. Там же. С. 9.
9. Там же. С. 13.
9. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 82.
10. Гершензон М. Ключ веры. Пб., 1922.
11. Арсеньев А.С. Подросток глазами философа // Философские основания понимания личности. М., 2001. С. 480–545.
12. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М., 1961. Т. 3. С. 119–120.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
14. Ортега-и-Гассет Хосе. Восстание масс. Нью-Йорк, 1954.
15. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. Париж, 1939.
16. Баландин Р. Наркоцивилизация. М., 2003.
17. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. Париж, 1939. С. 45–46.